

Стихи и поэты меня не однажды спасали

- Что для вас означает город Ангарск?

- Ангарск – это часть жизни, и не худшая часть жизни, потому что это юность, молодость, предвзрослость (я не могу сказать – предзрелость). Ангарск – это родные люди. И, слава Богу, там еще есть родные люди.

Это родные улицы. Это, увы, родные могилы...

Это ангарский театр, который был отдушиной в городе. Это общение с коллегами, с себе подобными. Покойная Вера ЗАХАРОВА, покойный Михаил Ефимович ШАГАНСКИЙ. Увы, покойный тоже Валерий Анатольевич АЛЕКСЕЕВ. Это общение с Кешей НОВОКРЕЩЕННЫХ. Это общение с Олегом КОРНИЛЬЦЕВЫМ – слава Богу, мы с ним не расстаемся по сей день, он является членом нашего Союза, и как-то я участвую в его жизни, а он в моей. Это Юра КНЯЗЕВ, удивительный драматург, мне кажется, очень важный для всей нашей культуры.

Это Ангарск тихий, скромный, иногда умеющий выпендриться – то на площадке ДК нефтехимиков, то в ДК «Современник».

Это еще стая замечательных людей, важных в моей жизни. И среди них я прежде всего должен назвать Инну Львовну и Льва Иосифовича ЛЕЙДЕРМАН и их детей. Инны Львовны и Льва Иосифовича, увы, уже нет, а с детьми мы до сих пор общаемся и, надеюсь, будем; я, по крайней мере, настроен с ними общаться до последних дней.

Это чета БАЧИНЫХ. Это замечательный человек БЛУДОВ, директор нашего комбината, когда я с ним работал. Это те люди, с которыми я трудился на радио нашего комбината. Это Гена ТАШКИНОВ, который уже давно не в Ангарске, а на Усть-Илиме, Надя БАРСУКОВА, Людочка КОНЕВА. Это газета «Знамя коммунизма», где я опубликовал в те времена массу и стихов, и заметок, они с охотой это делали. Это и литобъединение.

Это Женя ЯКУШЕНКО с его легендарным ансамблем «Баргузины».

Я всех не могу назвать, пусть меня уж простят те, кого не назвал. Людей добрых, которые связаны у меня с Ангарском по сей день, - их много.

Вы помните, мы еще делали праздники ангарские. Все это было важно и как-то все весело.

Я могу много говорить о городе Ангарске. А если о моей личной жизни, то это мои первые книги, мои какие-то всесоюзные публикации. Это мои первые нормальные квартиры, нормальная жизнь, нормальная семейная жизнь, я должен сказать...

- Что для вас сегодня поэзия? Искусство слова? Выплески внутренних состояний или что-то упавшее с неба?

- Потребность духовная, может быть, даже физическая, потому что стихи и хорошие поэты меня не однажды спасали, помогали выжить и подняться над суетой, над своими глупостями.

Когда я говорю, что поэзия – мое существование, я имею в виду постоянное общение с поэтами. Я не знаю, с кем я больше общаюсь – с мертвыми или живыми. Наверное, на равных. Я общаюсь с Пушкиным и столько же – и, слава Богу, я могу это еще делать по жизни – с Евгением Рейном. С Баратынским и с Александром Кушнером. С Некрасовым и с живым, невредимым и замечательным Олегом Хлебниковым. Я общаюсь с разными поэтами, которых не могу читать в подлиннике, но, мне кажется, я их понимаю – с Верленом, Рембо. Я так живу. Хотите, называйте это поэзией, хотите, моей жизнью, но, видимо, у меня все это давным-давно перемешано.

- Для вас существует такая проблема: литература и рынок? Как вы к этому относитесь?

- Проблема лично для меня существует, но эта проблема далеко не в первом ряду. Лично для меня. Я никогда не имел огромной аудитории читателей своих сочинений. Да, были огромные залы. Мне приходилось читать и в Колонном зале, и на стадионах, и в зале ЦДЛ, и в нашем цирке. Это была довольно большая аудитория, многие тысячи людей меня слушали. Но я всегда понимал, что здесь сидит десяток человек, которые меня понимают, хотят понять и могут понять. Не потому, что я такой сложный, а потому, что они настроены на ту самую волну, на которую настроен я.

Вот у меня книжка вышла два года назад, и я до сих пор узнаю, что у нее есть читатели, причем они обнаруживаются в географических точках, в которых я никогда не бывал. Они пишут мне такие письма, звонят и говорят такие удивительные слова!..

Очень часто мы не понимаем, что мы пишем, из-за чего пишем. Может быть, потом, уже задним числом, догадываемся. А такие читатели понимают. Это не рынок. Меня устраивает такое общение с читателем.

Тиражи поэтических книг сейчас, вы знаете, упали. Нормальный тираж – это 500 экземпляров. Евтушенко, который выходил стотысячным тиражом и раскупался мгновенно (а мы с вами по благу его добывали), сейчас выходит тиражом в одну тысячу экземпляров. И все это рынок определил.

Но зато такие писатели, как Пелевин, Сорокин, Дашкова, Донцова, - они рыночные писатели, они востребованы огромной массой подготовленных пиаром якобы читателей. Я им не завидую, потому что если я и прочитываю их книжки до конца, то я ВИЖУ, что все это временно. Например, такие писатели, как Андрей Битов или Фридрих Горенштейн, не

могут жить на рынке. У них очень небольшая аудитория читателей, но зато каких читателей! Такой читатель никогда не откроет книгу Донцовой или Дашковой, потому что это – читатель Литературы.

Рынок и литература – это разные вещи. Рынок для литературы – это, конечно, негатив. А читатель подлинной литературы редок. У некоторых писателей, которые сегодня живут, он должен случиться лет через пятьдесят, и эти писатели сегодня никак не вписываются в рынок.

Впрочем, читателей никогда не было много. В советское время проза выходила минимум тиражом 15 тысяч и вся раскупалась, а поэзия выходила минимально тиражом в 10 тысяч. У меня первые книги выходили тиражом в 10 тысяч, я их в Ангарске по благу покупал. Но знаю, что из этих десяти тысяч читателей был десяток, который меня мог прочесть и которому я был интересен. Вот и все.

- Поэзия выживет в XXI веке?

- И поэзию, и вообще литературу хоронили уже не однажды. Белинский в 1822 году начал одну из своих обзорных статей фразой «Литература умерла». С тех пор эту фразу так и этак произносили очень многие люди. Один из последних на моей памяти – Виктор Ерофеев, который то же самое провозгласил на волне перестройки. Это было лет 10 – 12, может 15 назад. А между тем мы за это время получили такое количество книг!

Поэзия будет существовать, пока будет существовать жизнь. Для меня это несомненно. Без конца читаю в Интернете, что до апокалипсиса осталось столько-то дней, что через две недели мы все взорвемся, все взлетим. Кому-то нравится жить на таком пределе. «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю». Между тем проходит это число, и жизнь продолжается.

Поэзия сейчас в наилучшем состоянии. Я говорю о русской поэзии. Она лучше даже, чем была десять лет назад. А уж то, что лучше, чем двадцать лет назад, - это несомненно. Этому есть причина. Поэты брошены, они остались наедине с собой. И у них есть возможность заниматься исключительно поэзией, больше ничем. Раньше нам приходилось для того, чтобы книжка прошла в печать, написать «паровоз». Существовал такой термин. «Паровоз» значит: надо было в первом, втором, третьем стихе что-нибудь сказать про любовь к Родине и к партии. Сейчас никаких «паровозов» не надо, ты талдычишь о том, о чем тебе талдычится. И никому до тебя нет дела. Есть возможность огранки. Есть возможность погрузиться в себя. Есть возможность заниматься исключительно поэзией...

Поэзия, конечно же, будет существовать. Это несомненно. А интерес к ней будет падать. Он будет падать, он будет вспыхивать вновь. Это все

зависит от того, что будет происходить с нашей душой, как она будет развиваться.

- Вы значительную часть своей жизни посвятили Союзу российских писателей, всевозможной организационной работе. Это что в вашей жизни – дело случая, необходимость или судьба?

- Наверное, это все вместе. Когда меня вдруг избрали председателем Союза российских писателей, я должен был согласиться, потому что это делали люди, очень дорогие для меня. Увы, они уже в большинстве своем в том мире. Это были Марк СЕРГЕЕВ, Василий Прокопьевич ТРУШКИН. Сережа ИОФФЕ, Елена Викторовна ЖИЛКИНА, чистейший, нежнейший человек и замечательный прозаик Дмитрий Гаврилович СЕРГЕЕВ. Я тогда получил папочку с несколькими документами и решил, что периодически буду проводить собрания, но потом выяснилось, что собрания проводить негде, потому что мы оказались на улице. Пришлось думать о доме – хорошо, тогда Борис Александрович Говорин меня понял, он еще был у нас мэром.

Когда получили дом, оказалось, что его нужно ремонтировать. Когда отремонтировали, оказалось, что в этом доме можно проводить выставки. Когда оказалось, что на эти выставки приходит много народа, и не только писатели, художники, журналисты, но и вся элита Иркутска, и не только Иркутска, но и близлежащих городов, - стало ясно, что в этом доме должно быть фортепиано. И таким образом оказалось, что дом есть дом, в котором нужно жить и которому нужно присваивать имя. И здесь не было никакого сомнения, что дом должен носить имя Марка Сергеева, потому что его фигура очень важна для нашей жизни. Потом оказалось, что никто из наших писателей за последние десять лет не выпускал книги. И стало понятно, что эти книги надо выпускать. Потом оказалось, что есть силы на то, чтобы сделать вначале газету, а следом альманах. Потом оказалось, что нам интересно делать свой фестиваль...

Если поначалу никто не знал, не помнил о нас, то сейчас мы должны непременно присутствовать при всех главных решениях Иркутской области, которые касаются культуры. Без Союза, без нашего голоса, многое не решается. Если в первые годы лишь несколько начальников могли вспомнить, что есть такой Союз писателей, то сейчас мы можем заклеить целую стену поздравлениями, которые приходят в наш адрес, в том числе из Москвы, Петербурга и из-за рубежа, потому что на наш фестиваль приезжали, а сейчас и рвутся очень многие серьезные зарубежные поэты.

Крики о том, что все гибнет, ничего у нас уже не будет, они напрасны, они нелепы. Наш фестиваль едет по всей Иркутской области, он проходит в самых больших залах – в Ангарске, в Иркутске, в Братске, в Зиме, в Саянске.

Пока жил Володя ПЛАМЕНЕВСКИЙ, мы еще и на его деляне читали стихи. Некоторые города обижены за то, что мы туда не приезжаем, но для этого надо фестиваль увеличить вдвое. У нас на фестиваль уходит десять дней и, конечно, люди очень устают. При том, что они счастливы все это видеть.

Фото из домашнего архива. Октябрь 1981 года, город Ангарск. Анатолий Кобенков, Инна Лейдерман, Вера Захарова.

Я сейчас уйду из этого Союза. Ну как уйду? Просто я перемещаюсь в другую точку.

Я должен сказать, что за это время выпущено пятьдесят книг, проведено четыре фестиваля, мы уже готовим пятый. За это время, по сути, обновился Союз, потому что лучшие наши писатели, те, кто начинал наш Союз, пребывают уже в мире ином. Сегодня наш средний возраст сорок лет. Но вот завтра-послезавтра мы будем принимать новую поросль в наш Союз, и средний возраст приблизится к тридцати годам.

Наташе САНЕЕВОЙ 19 лет, она сейчас выйдет с книжкой, и это будет событие. Марине АКИМОВОЙ 23 года, и она выйдет сейчас с первой книжкой, и это будет событие. И Союз будет прирастать такими ребятами. Так что все нормально.

- Как родился Союз российских писателей?

- На гребне перестройки, когда стало можно говорить во всеуслышание

обо всем, что ты думаешь, и когда оказалось, что среди наших собратьев полным-полно шовинистов и антисемитов. Нужно было, чтобы тебя не спутали с ними. Первыми из общего Союза вышли люди, прошедшие войну, и люди, помнящие сталинские репрессии. Валентина Ивановна МАРИНА как жена «врага народа» отсидела в лагере. Елена Викторовна ЖИЛКИНА пострадала из-за решений партии и правительства, была лишена всего. Дмитрий Гаврилович СЕРГЕЕВ прошел всю войну, и он знал, что это такое – деление людей по носам и по глазам. Юрий Степанович САМСОНОВ, известный своим редакторством альманаха «Ангара», прошел все «мойки», которые устраивала коммунистическая партия, не лучшие люди от этой партии. Это происходило в каждом городе, в каждом регионе.

Меня как председателя Союза российских писателей обвиняли в жидомасонстве, в преклонении перед Западом. Одна газета даже писала, что я получаю деньги от ЦРУ, от израильской разведки... Я нервничал.

Сегодня развиваются другие тенденции. В прошлом году я был на съезде Союза российских писателей в Смоленске. Там мы услышали, что, например, в Екатеринбурге уже многое изменилось. Настолько изменилось, что даже к нашему секретарю – секретарю Союза российских писателей - пришли и попросили его взять на себя оба Союза... Они говорят только о литературе. Мне кажется, мы должны к этому вернуться.

- Но противостояние все же существует?

- Это существует, потому что это кому-то надо. Лично мне это ни к чему. Есть литераторы, с которыми я бы не хотел, чтобы меня ставили рядом, отождествляли с ними. Есть литераторы, с которыми я с радостью буду работать вместе, и мне будет по душе, если мы будем в одной книжке, в одном журнале, на одной эстраде. Есть люди, которым очень нравится противопоставлять наш Союз Союзу писателей России. Я смотрю на это иначе. На наших поэтических фестивалях присутствуют поэты из Союза писателей России. Для меня это абсолютно неважно. Для меня важно, каков человек, что он делает. Что он делает, таков и человек. А к кому он себя причисляет, мне неважно. Ну, разве что на нашем фестивале никогда не будет фашистов. А все остальные – ради Бога. Но я буду, прежде всего, читать его тексты. Я смотрю по таланту.

Декларациями мы не занимаемся. Этим не занимается литература. Пусть любовь к Родине, любовь к городу, любовь к человеку будет разлита в строке. Вообще мне больше нравится: «Люблю отчизну я, но странною любовью». Этого некоторые наши оппоненты не прощают. Им нужно любить Родину профессионально. Согласитесь, это глупость.

- Как вы относитесь к авангардной поэзии?

- Хорошо, если это поэзия, а не просто авангард. Наш авангард имеет свои традиции. У русского авангарда тем более есть свой корпус классики. Часто люди, которые выдают себя за авангардистов, к сожалению, меньше меня, традиционалиста, знают свои корни. А ведь авангардисты, такие, как Хлебников в поэзии, Малевич в живописи, Мейерхольд в театре, - это наше классическое достояние, согласитесь. И все это рождалось в муках, в крови и в гное. Это была позиция, таково было поведение, таков был костяк, такая мышечная ткань. А сейчас люди приходят и, поставив пятнышко на холсте, дают ему название и говорят: «Это вы не понимаете, это авангард». Немножко понимаем. Немножко могу отличить подлинное от липы.

Меня все больше и больше как раз почему-то тянет в сторону нашей реалистической традиции. Я понял, что там труднее жить, я понял, что там труднее себя доказать. А написать стихотворение ни о чем, расхлябанное, нерифмованное и безразмерное, проще, нежели написать классический сонет.

У нас большинство людей, выдающих себя за авангардистов, - просто люди без школы, люди эпатирующие. Мне с такими людьми неинтересно. А с подлинными авангардистами очень интересно, как и с любым подлинным художником.

- Вы когда-то говорили мне, что ваш любимый поэт - Давид Самойлов. Это так и осталось, нет?

- Он один из любимых моих поэтов. Да, я не изменил к нему своего отношения. Я вообще очень ценил его присутствие в нашей жизни, как и Юрия Левитанского, равно как и Константина Воробьева, Виктора Астафьева, когда они существовали.

Сейчас они все ушли и стали нашей классикой. Их я сейчас реже читаю. Чаще читаю поэтов еще из позапрошлого века. Почему-то они мне более других объясняют, кто есть кто и что есть что.

- В одной вашей статье довелось прочесть: «Крякнул телевизор, и стало так же хорошо, как в третьем стихе библейского Бытия - когда, сказавши «Да будет свет», Бог этот свет увидел и не без радости обнаружил, что «он хорош»... Как вы все-таки относитесь к телевизору?

- Я смотрю по телевизору то, что мне нужно, он у нас не работает круглые сутки ни в коем случае. Мы с женой смотрим непременно канал «Культура». По понедельникам передачу Архангельского, во вторник - замечательную музыкальную передачу Варгафтика. В среду часто раздражающую нас, но между тем собирающую очень хорошую публику, очень хороших собеседников программу Виктора Ерофеева, в четверг «Культурную революцию». Хорошо, что все передачи идут поздно, когда

уже нет сил ничего делать и в самый раз пообщаться с умными людьми. А на других каналах такого нет, мне неинтересно. Естественно, я смотрю новости – областные, городские и российские, потому что без этого жить не получается.

Два года я сам сидел в ящике. У меня была передача «Зри в корень», где я обозревал все, что приходит в нашу область. Это книги художественные – проза, поэзия, критика, история, философия, детская литература, альбомы по живописи и т.д., и т.п. Я на ушах не стоял. Про Донцову не рассказывал, про Дашкову не рассказывал. Про Пелевина рассказывал, про Сорокина рассказывал. Говорил все, что думаю. Кому-то это была помощь...

Через 37 лет завершилась командировка Анатолия Кобенкова в наш край. Переезжает в Москву. Отныне будем считать его поэтическим полпредом нашего города в столице. А мы еще не раз откроем тот или другой томик его стихов и утолим жажду поэзии. Да и не только мы.

Недавно позвонил Анатолию Ивановичу человек из Чикаго и сказал: «Я написал на ваш стих песню. Давайте я вам ее по телефону спою». Это наш соотечественник Морис СИНЕЛЬНИКОВ, ученый. Оказалось, он соавтор знаменитого барда Виктора БЕРКОВСКОГО, вместе они написали известную песню «На далекой Амазонке не бывал я никогда».

Анатолий Иванович слушает свою песню по телефону из-за океана, и его остуженное многими ветрами сердце отогревается...

Беседовал Л. Беспрозванный
Время, 2005. – 17 февр. – С. 8-9.